

RU

Проблема сложности и здравый смысл

Чукин С. Г.

Аннотация. Статья посвящена проблеме сложности, апелляция к которой является распространенным аргументом, используемым теоретиками и практиками для оправдания неудач в своих делах. Сложность в таких случаях представляется как объективное свойство объекта, его онтологический параметр. Апология сложности имеет три важных следствия: (1) ее абсолютизацию как неизбежного факта, который следует смиренно принять; (2) признание неспособности человека самостоятельно справиться с ней, используя естественные (видовые) способности; (3) обращение к искусственному интеллекту как единственно возможному инструменту, способному решить связанные с ней проблемы. Цель исследования – сформулировать и обосновать предположение, что сложность является не объективным свойством мира, а представляет собой проекцию на него эпистемологических, лингвистических, социокультурных и иных установок субъекта. То, что выглядит как сложность, на самом деле есть трудность, возникшая из-за разрыва между актуальными возможностями и способностями человека, с одной стороны, и миром, на который он притязает, с другой. Нынешний мир стал для человека сложным из-за того, что указанных способностей оказалось недостаточно для доступа к нему, его организации и контроля. Отсюда – надежды, возлагаемые на искусственный интеллект (ИИ), который, по убеждению его разработчиков, способен преодолеть барьеры, порождаемые основными характеристиками сложных объектов – масштабом и разнородностью. В ходе внедрения ИИ его разработчики столкнулись с трудностью, названной ими «проблемой хрупкости ИИ»: он не может решать задачи, с которыми человек, с момента своего возникновения и до сих пор, справляется с помощью здравого смысла. Здравый смысл как естественный интеллектуальный модуль был и остается основным инструментом ориентирования человека в мире, решения большинства повседневных задач, которые и составляют содержание его жизни. В результате автор формулирует и обосновывает тезис о том, что сложность является не онтологической характеристикой мира, а проекцией на него разнообразных установок субъекта. Новизна заключается в том, что в качестве одного из эпистемологических ресурсов для понимания и решения этой проблемы привлекается здравый смысл как одно из проявлений разумности человека.

EN

The problem of complexity and common sense

S. G. Chukin

Abstract. The article is devoted to the problem of complexity, appealing to which is a common argument used by theorists and practitioners to justify failures in their endeavors. In such cases, complexity is presented as an objective property of an object, its ontological parameter. The apology for complexity has three important consequences: (1) its absolutization as an inevitable fact that must be humbly accepted; (2) the recognition of human inability to cope with it independently using natural (species-specific) capabilities; and (3) turning to artificial intelligence as the only possible tool capable of solving the problems associated with it. The purpose of the study is to formulate and substantiate the assumption that complexity is not an objective property of the world, but rather a projection onto it of the subject's epistemological, linguistic, sociocultural, and other attitudes. What appears as complexity is actually a difficulty arising from the gap between actual human capabilities and capacities, on the one hand, and the world they claim to master, on the other. The contemporary world has become complex for humans because the aforementioned abilities have proven insufficient for accessing, organizing, and controlling it. Hence the hopes placed on artificial intelligence (AI), which, in the belief of its developers, is capable of overcoming the barriers posed by the key characteristics of complex objects: scale and heterogeneity. During the implementation of AI, its developers encountered a difficulty they termed the "AI brittleness problem": it cannot solve problems that humans, from their emergence to the present day, have handled through common sense. Common sense, as a natural intellectual module, has been and remains the primary tool for human orienta-

tion in the world and for solving most everyday tasks that constitute the fabric of human life. As a result, the author formulates and substantiates the thesis that complexity is not an ontological characteristic of the world, but a projection onto it of various attitudes of the subject. The novelty lies in drawing upon common sense, as a manifestation of human rationality, as an epistemological resource for understanding and resolving this problem.

Введение

На всем протяжении своей истории основной стратегией, которой придерживался человек для сохранения видовой и персональной идентичности, было уменьшение и сокращение мира, в котором он оказался, до объема, соразмерного его возможностям и способностям. Последние представлены особенностями анатомического, физиологического и психического строения и связанным с ними сенсорным и когнитивным оборудованием, обеспечивающим познавательный доступ к окружающим объектам. Здравый смысл как естественный интеллектуальный модуль, которым люди руководствовались в познании и практике, подсказывал им, что они являются лишь одними из обитателей большого и разнородного мира и могут успешно существовать только в том случае, если найдут свое место в нем. Отсюда – стремление к соразмерности, состоянию, когда мир, на который притязает человек, соответствует его «размерам», то есть способностям этот мир знать, организовывать и контролировать. Именно такой мир считается экзистенциально комфортным.

Научное познание, являющееся, по утверждению Эйнштейна (1966, с. 275), расширением обыденного, использует инструменты – теории, модели, эксперименты, – представляющие собой упрощения, где объекты рассматриваются в стерильном, очищенном от случайных элементов виде, которыми изобилует реальная жизнь. Упрощение, или редукция, – это способ избавления от избыточности мира, то есть таких его свойств, которые человеку не нужны с точки зрения главной его цели – сохранения себя. Несмотря на очевидную результативность этого подхода, он стал в последнее время объектом критики со стороны представителей так называемого «сложностного мышления» и синергетики, которые утверждают, что подход «калечит» (Морен, 2021) действительность, обедняет, игнорирует ее объективно сложное устройство (Пригожин, Стенгерс, 1986). Сходной позиции придерживается постмодернизм.

Апология сложности, отличающаяся агрессивностью в отношении оппонентов, сопровождается внедрением в индивидуальное и массовое сознание убеждения, что сложность и связанная с ней неопределенность являются неизбежными факторами жизни современного человечества, которые следует принять, не надеясь от них избавиться. Простота, определенность, устойчивость, порядок, норма, истина подвергаются демонизации за приписываемые им тотализирующие интенции, пренебрежение единичным и особенным в интересах общего. Следствием этого стали разрушение форм и способов организации совместной жизни людей на всех уровнях, от локального до глобального, экзистенциальный дискомфорт, проявляющийся в отсутствии понятных и достижимых ориентиров, отсутствие надежных способов научной и философской концептуализации сложившейся ситуации. Это делает практически и теоретически актуальным исследование феномена сложности, его причин, онтологического и эпистемологического статуса, способов его осмысления и объяснения.

Автор исходит из предположения, что действительность как она есть сама по себе не является ни простой и ни сложной, но состоит из объектов, обладающих сущностью, то есть теми свойствами и признаками, которые необходимы для их бытийной устойчивости. Сложность возникает как следствие нарушения принципа, которым человек руководствовался в отношениях с миром с момента своего видового оформления, а именно – иметь дело только с той частью этого мира, которая доступна его физическим, перцептивным и когнитивным возможностям.

Отсюда – задачи, которые решаются в данной статье:

1. Проанализировать философские и научные представления о сложности.
2. Показать и доказать, что сложность является не онтологическим параметром, а свидетельством эпистемологической доступности объектов.
3. Подтвердить обоснованность стратегии упрощения (редукции) как способа достижения соразмерности между миром и человеком.
4. Показать бесперспективность апелляции к искусственному интеллекту как единственному инструменту для решения проблем, порожденных масштабностью и разнородностью современного мира.
5. Реабилитировать эпистемологические и практические возможности здравого смысла как естественно-интеллектуального модуля человека в решении проблемы сложности.

Методологические приемы, используемые в работе, включают в себя: историко-философскую и научную реконструкцию процесса концептуализации проблемы сложности и здравого смысла; семантический и герменевтический анализ понятий «сложность» и «здравый смысл»; диалектический метод, позволяющий рассматривать противоречия между простым и сложным, здравым смыслом и искусственным интеллектом как индикатор существования проблемы и стимул для ее решения; феноменологический метод, в частности входящая в его состав процедура непосредственного схватывания сущности объекта, которая характерна для восприятия мира посредством здравого смысла.

Антропологическая перспектива, сквозь призму которой рассматривается проблема сложности, состоит в идее соразмерности мира и человека как условия достижения экзистенциального комфорта.

Теоретическая основа исследования – философский и научный реализм, включающий два постулата: онтологический, утверждающий, что мир, в котором живет человек, существует объективно, то есть не является проекцией его мышления, языка, культуры и других форм субъективности, и эпистемологический, допускающий возможность познавательного доступа к этому независимому от человека миру. Автор опирался на труды классиков философской мысли (Аристотель, 1976; Бергсон, 2010; Гадамер, 1988; Рид, 2000), в которых рассматриваются природа здравого смысла и его эпистемологические возможности. Также были проанализированы работы зарубежных и отечественных исследователей (Boulter, 2007; Choi, 2022; Rescher, 2005, Яковлева, 2009), посвященные связям между здравым смыслом, философией и наукой.

Практическая значимость статьи состоит в том, что скорректированный с учетом достижений современной науки, прежде всего физиологии восприятия и когнитивной психологии, здравый смысл может быть востребован в качестве руководства при осмыслении и решении большинства проблем повседневной жизни людей, а также в качестве принципов, которым должны следовать те, кто берет на себя задачу по организации современного общества

Обсуждения и результаты

В толковых и специализированных словарях приводятся два основных значения слова «сложность»: 1. Разнородность, составленность из нескольких частей. 2. Трудность для понимания, использования (Ожегов, Шведова 2003; Oxford Learner's Dictionaries; Digitales Wörterbuch...). Таким образом, с одной стороны, сложность – это свойство объекта, характеризующее его состав, количество частей, из которых он состоит, а с другой стороны – трудности, проблемы в отношениях человека с объектом, проистекающие именно из-за его комплексности. Резонен вопрос: сколько частей должно быть в объекте, чтобы он считался сложным? Если сложность – это качественная характеристика вещи, то мы имеем дело с примером логического парадокса, сформулированного еще Евбулидом: с какого момента количество превращается в качество?

Обобщение философских и научных работ, посвященных сложности, позволило выявить два подхода к определению ее статуса и основных критериев. Странники первого исходя из того, что реальность сама по себе, независимо от человека, структурирована, то есть представлена определенными объектами, имеющими сущность. Структура, соразмерная этой сущности, обеспечивает бытийную устойчивость объектов, а простота или сложность являются избыточными характеристиками при их описании (Думов, 2021, с. 332; Simon, 1962, р. 481). На онтологизации сложности, то есть рассмотрении ее как одного из параметров объективной реальности, настаивают представители синергетики и «теории сложности», разработанной Э. Мореном (2021) (Пригожин, Стенгерс, 1986, с. 41). По их убеждению, игнорирование сложности мира, являющееся наследием греческой натурфилософии, привело к тому, что от внимания науки ускользнула подлинная его структура, отличающаяся разнообразием и богатством свойств и отношений. Морен критикует «парадигму простоты», характерную для классической науки, поскольку ее применение обедняет знание о действительности, лишает его важных ее свойств. Выход он видит в подходе, названном им «сложностным» (Морен, 2021, с. 111-112). Взгляды Морена разделяют и некоторые российские исследователи. В. Аршинов и М. Янукович (2025, с. 87) считают главным онтологическим свойством реальности ее динамический характер, процесс постоянных изменений, где устойчивость является временным состоянием, а постоянны лишь переходы от хаоса к порядку и вновь к хаосу. Я. Свирский относит к «парадигме сложности» взгляды, в которых «акцент делается на изучении не статичных, уже сформировавшихся образований, а процессов эволюции и становления» (Инновационная сложность, 2016, с. 154). Несмотря на различия в понимании статуса сложности, представители указанных выше подходов сходятся в определении ее признаков: масштаб объекта, разнородность образующих ее частей и нелинейный характер связи между ними (Князева, 2008, с. 165; Ополев, 2019, с. 19).

Странники подхода, считающего сложность онтологическим свойством, предлагают в качестве средства доступа к ней «сложностное мышление» (Морен 2021; Аршинов, Янукович, 2025, с. 87). Каким образом оформлено знание, получаемое посредством такого мышления, авторы не указывают.

В 1947 году математик Уивер Уоррен (Weaver, 1947, р. 544), один из пионеров машинного перевода, в статье «Наука и сложность» выделил два типа сложности: неорганизованную и организованную. Акцентируя внимание на организованной, то есть созданной самими людьми, сложности, он предложил два возможных решения порождаемых ею проблем: формирование смешанных команд компетентных специалистов из разных областей и создание вычислительных устройств, способных обрабатывать большие массивы данных. Сложность, с которой имеет дело современное человечество, является организованной, то есть рукотворной. Если обобщить предпринимаемые попытки ее осмысления и организации, то окажется, что они являются вариантами предложенного Уорреном решения. Попытки найти выход посредством переговоров, консультаций с привлечением ответственных лиц и экспертов не дают результата по причине того, что у участников слишком разнородные цели, интересы и ценности. Разуверившись в перспективности этого пути, теоретики и практики обратились за помощью к компьютерной технике, вычислительные мощности которой позволяли работать с объемом данных, «неподъемным» для обычного человеческого интеллекта.

Речь идет об Искусственном Интеллекте (ИИ). В первом приближении подобный шаг вписывается в логику и практику освоения человеком своего жизненного пространства, который включает в себя процесс непрерывного изобретательства, начиная с примитивных орудий труда и заканчивая в том числе созданием

устройств с ИИ. Однако и примитивные орудия, и современные ускорители элементарных частиц, используемые физиками для исследований микромира, имеют общее свойство: они являются усилениями или дополнениями естественных человеческих анатомических, сенсорных и когнитивных способностей. Это значит, что они откалиброваны под них, что делает возможным планировать и контролировать процесс технического творчества и использования машин. Такой подход соответствует указанному выше принципу, которым человек руководствуется во взаимоотношениях с миром, а именно – иметь дело только с теми его объектами, которые ему по силам, то есть доступны его физическим и интеллектуальным возможностям.

Искусственный интеллект имеет особенности, которые выделяют его из ряда вышеуказанных изобретений. Его создатели и пользователи отмечают высокую результативность ИИ в решении многих специализированных задач, но при этом признают, что им непонятно, как он это делает. То есть воспроизвести процесс получения знания, как это имеет место в научном исследовании, невозможно, что вызывает тревогу из-за вероятности непредсказуемых и опасных для человека действий систем с ИИ. Экзистенциальные проблемы, возникшие и увеличивающиеся по мере совершенствования ИИ, заставляют усомниться в том, является ли такой способ решения проблемы сложности адекватным цене, которую за него приходится или придется заплатить.

Разработчики ИИ столкнулись с технической трудностью, которую они воспринимают как вызов своей профессиональной репутации и которая, на наш взгляд, открывает третий путь, наряду с указанными двумя, для анализа проблемы сложности. Речь идет о создании ИИ, соразмерного здравому смыслу. Джон Маккарти (McCarthy, 1959), стоящий у истоков работы по созданию ИИ, писал, что началом должно стать конструирование машин, имеющих интеллект, равный здравому смыслу. За прошедшее время эта задача так и не была решена, и главная причина неудачи состоит в упрощенном понимании здравого смысла, отсутствии знаний о его природе, структуре и возможностях. У специалистов эта трудность получила название «проблемы хрупкости ИИ» (Davis, Marcus, 2015, p. 92; Brachman, Levesque, 2022; Choi, 2022, p. 147).

Неспособность ИИ решать задачи, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни и справляются с ними с помощью здравого смысла, разработчики ИИ считают главным препятствием на пути создания общего ИИ по той причине, что специализированные задачи, в решении которых ИИ превосходит естественный интеллект, имеют смысл в качестве средств для поддержания обычной жизни, где формируются цели, интересы и ценности людей. В этой связи понятен интерес, который разработчики ИИ проявляют к здравому смыслу. Поиск по ключевым словам “common sense” и «здравый смысл» в наукометрических базах Google Scholar, Scopus (Elsevier), Web of Science (Clarivate), PubMed/MEDLINE, eLibrary.ru показал результат в 7800 работ за последние пять лет, из которых более 60% приходится на тематический раздел «Искусственный интеллект и здравый смысл». В Российском сегменте, в изданиях, индексируемых в РИНЦ, за указанный период опубликовано около 50 работ, в основном по философии и когнитивной психологии.

Внимание разработчиков ИИ к здравому смыслу объясняется просто: чтобы имитировать здравый смысл, нужно знать, что это такое. В частности, требуется ясность по следующим вопросам: (1) Какую функцию здравый смысл играет в сохранении человеком своей видовой и индивидуальной идентичности? (2) Какие органы человека участвуют в производстве здравого смысла? (3) Каков эпистемологический статус продуктов здравого смысла? (4) Как происходит овладение здоровым смыслом?

Предварительным результатом работы специалистов в области ИИ над указанными выше вопросами стала констатация того, что здравый смысл как общий человеческий интеллект не является суммой специализированных интеллектуальных способностей (Lorica, Loukides, 2016; Shanahan, 2015, p. 7). Важная особенность здравого смысла состоит в том, что он опирается на опыт, интуицию и использует подразумеваемую информацию, а также фоновые знания о том, как устроен природный и социальный мир (Choi, 2022, p. 148). Здравый смысл проявляется и в том, что обладающие им люди способны сопоставлять ценность вещей и видов деятельности, выделять более и менее значимые из них для себя. ИИ распознает интегрированные в него ценности и распоряжается ими иначе, чем это делает человек (Hasselberger, Lott, 2026, p. 305).

В интерпретации разработчиков ИИ здравый смысл является синонимом естественной мыслительной способности, опирающейся на опыт и дополненной интуицией. Периодически обнаруживаемые сбои и ошибки, совершаемые системами с ИИ, зачастую связаны с недостатком у них здравого смысла. На всем протяжении истории Homo Sapiens он обеспечивал потребности человека в знаниях и практических навыках, необходимых для решения задач повседневной жизни и в чрезвычайных ситуациях. Подтверждением его надежности и достаточности является сам факт выживания человека, сохранения его как вида. Нет никаких оснований считать, что жизнь наших предшественников была легче, проще, чем жизнь людей 21-го столетия. Проблемы были и остаются одними и теми же: как себя пропитать, обеспечить крышей над головой, сохранить здоровье, избежать опасности и получить хотя бы немного счастья.

Поводом к постепенному вытеснению здравого смысла наукой и философией, начавшемуся около двух с половиной тысячелетий назад, было убеждение, что его стало не хватать в усложнившихся условиях человеческой жизни. Это убеждение основывалось на поверхностном понимании как этих условий, так и самой способности, отсутствия обстоятельных исследований природы здравого смысла, его структуры, механизмов и полномочий. Поэтому, когда наука и философия, в свою очередь, оказались бессильными в концептуализации современной сложности, философы, вслед за разработчиками ИИ, вновь обратили внимание на здравый смысл, надеясь найти в нем скрытый до этого потенциал.

Прояснения требует, прежде всего, использование двух латинских выражений – “common sense” и “sensus communis” – для обозначения здравого смысла. Их семантический и лингвистический анализ предпринял

К. С. Льюис, выделив два значения слова “sensus”: общеупотребительное и специализированное. В первом оно означает «ощущение», понимаемое как непосредственный опыт, непосредственное осознание собственного ментального и эмоционального содержания. Это первичное чувство, общее для всех людей, поскольку они вкладывают в него одинаковое содержание, экстраполируя на других людей свое собственное ощущение объекта. В более специализированном смысле “sensus” используется как эквивалент смысла, понимания. Знание смысла стало ассоциироваться с сообразительностью, умением отличать существенное от несущественного. Появился антоним – бессмыслица, то есть чепуха, глупость (Lewis, 1960, p. 99). Слово “common” является, согласно Льюису, переводом на латынь греческого слова “koinos”, где оно означает «общий», имея в виду сходство в восприятии людьми вещей с применением для этого своих врожденных способностей. В латинском языке появляется модификация “common sense” – “communis sensus”, имеющая социально-этические коннотации: открытость, дружелюбие, чувство общности между людьми.

Эпистемологическая функция здравого смысла впервые была рассмотрена Аристотелем в работах, посвященных психическим и интеллектуальным способностям человека. Его интересовал вопрос о том, как доставляемые пятью органами чувств сенсорные сведения об объекте интегрируются в цельное знание о нем. Ведь если бы они были независимы друг от друга, то каждое из них давало бы специализированную информацию: только зрительную, или только слуховую, или только осязательную и т. д. На это обратил внимание уже Платон в диалоге «Теэтет» (1993, с. 242-245), где он утверждает, что существует инстанция, которая интегрирует полученную через чувства информацию, и ею является душа. Аристотель выявил эту проблему в ходе размышлений об особенностях чувственного восприятия животных и человека, установлении их различий. Поведение животных основывается на сведениях о среде обитания, которые они получают посредством видового перцептивного оснащения: у большинства из них есть зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. И они должны эти сведения сводить в общую картину, а значит, для этого у них должна быть какая-то способность или орган. Поскольку Аристотель отказывал животным в разумности, он считал, что необходимая для этого интеграция осуществляется на уровне восприятия, а не через мышление. Чувства, по его убеждению, интегрируются перцептивно, посредством того, что он назвал «общим чувством» (Аристотель, 1976, с. 422-424).

В римской философии на первый план выходит социально-этическое измерение здравого смысла, в котором акцент сделан на его интегрирующей роли. Меняется словосочетание: “communis sensus” вместо “common sense”. “Communis” означала открытость, общительность, дружелюбие, приветливость. Эти качества важны для того, чтобы общественная жизнь была конструктивной. Она предполагает эмпатию, которая, как представляется многим, является естественным для человека чувством (Цицерон, 1972; Марка Фабия..., 1834, с. 22; Марк Аврелий).

До Декарта анализ здравого смысла как эпистемологической способности, так и социальной добродетели не сопровождался комментариями и выводами о его познавательной и практической ничтожности. Декарт (1989, с. 251), считавший главной своей целью поиск надежных оснований для научного познания, видел последние в математике, а потому скептически оценивал роль чувственных впечатлений в качестве источника знаний о мире. Это недоверие он распространял и на здравый смысл. Скептицизм в оценке познавательных возможностей здравого смысла отличает философию Юма (1996, с. 580), который так же, как и Декарт, ограничивал его полномочия повседневными заботами человека.

Важным событием в истории концептуализации здравого смысла стала шотландская философия 18-го столетия в лице таких ее представителей, как Т. Рид и Э. Шефтсбери. В книге «Исследование человеческого разума на основе принципов здравого смысла» Рид (2000, с. 100-101) исследовал пять органов чувств и пришел к выводу, что в своих основных функциях они дают нам представление о мире и через них наш разум постигает мир, не отдавая себе отчета о том, как он это делает. В эссе «Об интеллектуальных способностях человека» он пишет, что здравый смысл дан человеку природой и ему невозможно научиться (Reid, 2011, p. 425). Внимание к социально-этическому измерению здравого смысла привлек памфлет Томаса Пейна «Здравый смысл» (1959), опубликованный в 1774 году и сыгравший важную роль в идеологическом оправдании борьбы североамериканских колоний за свою независимость. И. Кант в «Антропологии с прагматической точки зрения» признает преимущество здравого смысла в решении проблем повседневной жизни и квалифицирует его как практическую познавательную способность: «Здравый смысл может доказать свое превосходство только в отношении предмета опыта: он не только благодаря опыту увеличивает познание, но и расширяет сам опыт, однако не в спекулятивном, а только в эмпирически-практическом отношении» (1966, с. 371). Таким образом, здравый смысл у Канта выступает в качестве минимальной естественной интеллектуальной способности, которая соединяет в себе познавательные и практические функции. Основой этой способности являются воображение и чувственное восприятие, устроенные у всех здоровых в медицинском смысле этого слова людей сходным образом и тем самым обеспечивающие сходное знание о мире. Здравому смыслу нельзя научиться: он или есть, или его нет. В последнем случае человек является просто глупцом, причем на это не влияет наличие у него высшего образования. Глупость – это неспособность применять знания в реальной жизни.

В философии Нового времени оказывается востребованной социально-интегрирующая функция здравого смысла. Причиной стали попытки мыслителей Просвещения создать наукообразное представление о человеческой истории как едином процессе. Для этого требовалось общее основание, и они увидели его в том числе в общности человеческой природы, единстве человека, скрывающемся за множеством различий. Такой подход мы находим у Джанбаттиста Вико (1994, с. 76-77), для которого здравый смысл ассоциируется с общим благом, с преданностью общинным ценностям, таким как гуманность, дружелюбие, сотрудничество. Гадамер (1988, с. 59)

в «Истине и методе» развивает гуманистический смысл понятия “*sensus communis*” и связывает его с образованием. Анри Бергсон основное предназначение здравого смысла видел в социально-координирующей роли. Здравый смысл в его понимании – это что-то, сходное с интуицией, которую человек приобретает в повседневной деятельности, решая различные практические задачи, когда ответ приходится искать не в учебниках и руководствах, а буквально «здесь и сейчас», применительно к конкретной проблеме: «...здравый смысл – это само внимание, обращенное на жизнь» (Бергсон, 2010, с. 247). Авторитетным защитником здравого смысла в философии XX века стал английский философ Дж. Э. Мур (Moore, 2004). В статье «Защита здравого смысла» он утверждал, что по крайней мере некоторые из наших устоявшихся представлений о мире абсолютно достоверны, имеют характер трюизмов и соответствуют здравому смыслу. Их достоинством является то, что они не нуждаются в обосновании.

Интерес к здравому смыслу возродился в конце прошлого столетия и существенно усилился в текущем. Причиной этого стало умножение проблем, которые не решаются посредством специализированных способностей человеческого разума. В содержание данного возрождения вошла реконструкция взглядов классиков философии по этой теме, а также работы современных авторов, в которых исследование здравого смысла осуществлялось с учетом открытий в области эволюционной биологии, физиологии восприятия, когнитивной психологии. Предметом рассмотрения стали такие вопросы, как (1) природа здравого смысла и его полномочия; (2) онтологические основания здравого смысла; (3) эпистемологические инструменты здравого смысла; (4) возможности здравого смысла в решении проблемы сложности.

Предварительные результаты обсуждения, которое продолжается и привлекает все большее число участников, содержат ответы на эти вопросы, отражающие различие подходов и целей, которые ставят перед собой авторы. Относительное согласие существует только по вопросу о природе здравого смысла: он признается в качестве естественной (видовой) интеллектуальной способности, обеспечивающей ориентирование человека в мире. Здравый смысл является базовой комплексной способностью всех дееспособных людей, обеспечивая сходство приобретаемых посредством него знаний (Musgrave, 1993; Lemos, 2004; Rescher, 2005; Boulter, 2007; Кравченко, 2025). Для здравого смысла характерны логичность, отсутствие абсурда, простота и привлекательность в жизни, универсальность (Rescher, 2005; Ledwig, 2007).

Основой для эпистемологического доступа к миру в здравом смысле является физиологическое устройство человека. «Ключ» к загадке здравого смысла – это уяснение того, посредством какой инстанции происходит интеграция пяти потоков чувственных впечатлений в общее знание. Аристотель был прав, на наш взгляд, назвав эту инстанцию чувством, аргументируя это тем, что синтез сенсорной информации имеет место и у животных. Поскольку здравый смысл обеспечивал сохранение человеком себя на протяжении всей его видовой истории, есть основания утверждать, что сенсорные способности человека (пять его чувств) давали надежную информацию о мире. Если бы это было не так, то человек не сформировался бы и не выжил как вид. Это можно назвать «эволюционным» аргументом в пользу здравого смысла (Boulter, 2007; Vision, 1996).

Здравый смысл базируется на реалистической онтологии: мир, в котором живет человек, существует объективно, он структурирован и представлен определенными, то есть имеющими сущность, вещами. Доступ к этим вещам обеспечивают наши чувства. Здравый смысл признает онтологическую избыточность мира, но не видит в этом проблемы: он и не претендует на весь мир, его притязания скромны и ограничиваются той его частью, которая соразмерна его сенсорным и когнитивным возможностям. Это и есть реализм здравого смысла.

Философская критика здравого смысла, ведущая свое начало от Платона, утверждает, что мир, в котором живет человек, глубже и шире, чем та его часть, которая доступна чувствам. Еще одним аргументом против эпистемологической ценности здравого смысла является то, что он не соответствует критерию, согласно которому знание – это обоснованное истинное мнение. Но дело в том, что оно и не нуждается в этом обосновании: это убеждения, с которыми согласны все здоровые и дееспособные люди. То есть это знания по умолчанию (Moore, 2004; Lemos, 2004).

Николас Решер (Rescher, 2005, p. 12) говорит о трех взаимосвязанных видах здравого смысла: *здравый смысл, основанный на наблюдении* (классический *sensus communis*), как способ сбора и координации информации, поступающей от наших внешних органов чувств; *субъективный здравый смысл* как «здоровое суждение» относительно вопросов, которые очевидны для любого здравомыслящего человека на основе повседневного опыта, без сложных рассуждений, расчетов или исследований; *общепризнанный здравый смысл* (*Gemeinsinn*) как совокупность фактов, которые «всем известны» и в отношении которых существует всеобщее (или почти всеобщее) согласие в мнениях людей. Здравый смысл может рассматриваться в нормативном и описательном смысле: в первом случае он означает «благоразумие» в противоположность легкомыслию, а во втором – общеизвестное знание, общепринятое суждение (Kekes, 1975, p. 40). Некоторые авторы различают эмпирический и генетический подходы к пониманию здравого смысла. Первый восходит к практическому разуму (фронезису) Аристотеля и связывает здравый смысл с опытом, интуицией и базовыми знаниями, а второй фокусируется на народной психологии и врожденных когнитивных способностях (Chong, Juanita, 2014). Ценность здравого смысла видится в том, что он отражает фундаментальный уровень опыта, содержит знания и практические навыки, подтвержденные их надежностью, и служит основой для построения реалистической философии науки (Sankey, 2024, p. 53).

Приведенные характеристики здравого смысла являются вариациями изначальных интерпретаций, как это понимал Аристотель: общее чувство как инстанция, интегрирующая потоки чувственных впечатлений, и здравый смысл как естественная человеческая чувствительность к другим людям и сообществу (Gregorić, 2007). В обоих этих значениях здравый смысл означает базовую осведомленность, демонстрируемую

большинством людей, которые даже не задумываются о том, откуда она у них взялась, но доверяют ей на основании того, что она подтверждена опытом.

Важным постулатом здравого смысла, который оспаривают противники его реабилитации, является убежденность в том, что объекты, с которыми имеет дело человек, чаще всего такие, какими мы их воспринимаем. В защиту этого тезиса выступили авторитетные представители аналитической философии (Devitt, 1997, p. 61; Quine, 1969, p. 126; Dennett, 1987, p. 75; Searle, 1992, p. 58-63). Эта позиция связана с верой в надежность органов чувств как каналов поступления сенсорной информации: если бы они не давали объективных знаний, то человек просто не смог бы выжить. Она подкрепляется и эволюционным аргументом, согласно которому естественный отбор благоприятствует животным с надежными сенсорными системами и системами формирования убеждений, поскольку они имеют непосредственное отношение к экологической и социальной приспособленности животного (Boulter, 2007, p. 42). Утверждения о том, что любое чувственное восприятие является проективным, то есть не непосредственным, опровергается исследованиями, подтверждающими, что сенсорные системы не только человека, но и некоторых животных отражают мир таким, каким он является, то есть структурированным и качественно определенным (Vision, 1996).

Однако современный интерес к здравому смыслу связан не только с его эпистемологическими ресурсами, ибо он, при всем его значении в повседневной жизни, не может справляться с задачами, которые решает научный разум. Исследователей привлекает надежда найти ответ на вопрос, как он до появления философии и науки помогал человеку противостоять вызовам, с которыми сталкивается каждое живое существо – сохранить себя в качестве представителя вида, используя сформированные в ходе эволюции инструменты. Это предполагает знания и умения, содержание которых всегда контекстуально, однако неизменной является установка, которой руководствуется человек: знать, в чем состоит благо, или, в переводе на повседневный язык: что есть хорошо, а что – плохо? Что есть добро, а что зло? Это требование определенности является одним из фундаментальных принципов здравого смысла. Человек, не знающий, что ему нужно, все равно, что кормчий без знания о том, куда ему плыть.

Здравомыслие, таким образом, есть благоразумие. Различия представлений о благе, несомненно, существуют, но есть критерий, с которым согласны все разумные люди: это ощущение экзистенциального комфорта, когда человек знает мир, в котором живет, этот мир ему понятен, доступен для познания и практики, подчинен законам и правилам. Иными словами, это мир, с которым человек находится в гармонии, потому что он ему соразмерен.

Здравый смысл стремится к поиску простых решений, то есть понятных всем тем, кого они касаются. Он доверяет свидетельствам опыта, а не умозрительным суждениям. Здравомыслящий человек консервативен в том смысле, что не требует изменений, если они не продиктованы необходимостью: если вещь (институт) выполняет свою функцию, нет смысла ее менять. К здравому смыслу обращаются тогда, когда люди сталкиваются с трудностями в понимании и решении проблем, основываясь на существующих правилах и нормах (Яковлева, 2009, с. 7; Rosenfeld, 2011, p. 24).

Здравый смысл показал свою эффективность в организации совместной жизни людей задолго до появления социальных теоретиков. Присущее ему врожденное когнитивное чутье, разделяемое всеми взрослыми и здоровыми людьми, может быть использовано для поиска консенсуса в случаях, когда конвенциональные правила и нормы не работают и требуется хотя бы минимум социального согласия. Здравый смысл необходим для тестирования существующих социальных норм, правил, теорий на предмет их реалистичности (Prodanović, 2022, p. 211, 219). Макс Вебер, специально не интересовавшийся здравым смыслом, сформулировал созвучное ему определение социального действия: ««Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» (1990, с. 603). Люди, не отягощенные социальными теориями, тем не менее очень хорошо различают ложь, обман, лицемерие, несправедливость, руководствуясь здравым смыслом. Опросы общественного мнения по значимым социальным проблемам показывают не знание людьми законов и механизмов общественного устройства, а субъективное отношение к происходящему. Екатерина II, отвечая на реплику одного из советников о том, что не следует доверять мнению большинства, сказала: «Большинство истину не утверждает, а только показывает желание большинства» (Соловьев, 1994, с. 31). Джон Ролз (2010, с. 52) писал, что у каждой личности, обладающей интеллектуальными способностями, к определенному возрасту при нормальных социальных условиях развивается чувство справедливости, а потому теорию справедливости можно рассматривать как описание нашего чувства справедливости.

Исходным принципом здравого смысла в отношениях с миром является соблюдение соразмерности: здравомыслящий человек – это тот, кто знает свои «размеры» и не будет претендовать на то, что эти размеры превосходит. Поэтому для человека, обладающего здравым смыслом, мир не является сложным: белое для него – белое, а не один из пятидесяти его оттенков. Голод, нужда, болезнь, унижение – это плохо, какие бы утешения и оправдания не приводились. Война – это поражение человеческого разума, несмотря на уверения в ее необходимости. И так далее. Мир здравого смысла – это мир, в котором вещи имеют имена, используются в соответствии с ними, отношения между людьми предполагают правила и сам человек имеет права.

Для описания здравого смысла как общего чувства уместна, на наш взгляд, метафора «заводской настройки»: любое устройство, создаваемое для определенных целей, имеет установленные производителем параметры, называемые «настройками», рассчитываемые на стандартные условия его эксплуатации. Поскольку реальные условия всегда отличаются от стандартных, пользователь изменяет эти настройки

«под себя», добиваясь более эффективной работы изделия. Но если вдруг что-то пойдет «не так» и изделие перестает функционировать по непонятной причине, одной из рекомендаций производителя является возвращение к «заводским настройкам» посредством сброса всех дополнений и изменений. Возврат к здравому смыслу – это возвращение к «заводским настройкам». Они то искомое общее, что есть у всех людей и от чего следует отталкиваться при обустройстве совместного жизненного пространства.

Заключение

Предпринятое рассмотрение проблемы сложности дает основание для вывода о том, что ее источником выступает человек, проецирующий на мир свои эпистемологические, лингвистические, культурные установки. Понятие сложности является нормативным и применяется для квалификации объектов с точки зрения их доступности познанию, пониманию, освоению, организации и прочим манипуляциям. То, что выдается за сложность в приведенных выше описаниях, на самом деле характеризует масштаб объектов, количество частей, из которых они состоят, и способ их соединения. Нет никаких оснований для утверждения, что объекты, отличающиеся большими масштабами, разнородным составом и запутанными связями, обладают большей бытийной устойчивостью в сравнении с теми, что имеют малый размер и меньше частей.

Сложность природного мира – это проблема, с которой имеют дело ученые и которую они, как показывает история науки, успешно решают, продвигаясь вглубь реального мира, все более отдаляясь от чувственного мира, в котором протекает повседневная жизнь обычного человека. Результатом этого являются знания и технологии, сказывающиеся на качестве жизни людей, которые сами в научном производстве не участвуют, доверяя эту работу немногим своим представителям. Если знания и техника слишком отдалены от мира повседневного опыта обычного человека, то есть не-ученого, это может стать причиной экзистенциального дискомфорта, неуверенности, проистекающей из того, что такой мир и такая техника для него оказываются «непосильными» и в этом смысле сложными. Но источником такой сложности выступает не природа, а человек, его желание расширяться, тогда как он может этого не делать или же делать, но иначе, чем он это делает. Обращение к искусственному интеллекту как средству, позволяющему справиться с этой рукотворной сложностью, не устраняет источника проблемы, а именно – разрыва между человеком и миром, возникшего в результате того, что притязания человека опережают его актуальные возможности и способности. В этой ситуации решением может стать «перезагрузка» естественного интеллектуального оснащения, возврат к базовым способностям, интегрирующей инстанцией которых был и остается здравый смысл. Он выполняет функцию иммунной системы человека, предохраняющей его от банальных ошибок в повседневной жизни и от разрушительного воздействия оторванных от реальности постмодернистских экспериментов.

Перспективы исследования видятся автору в том, что можно использовать здравый смысл в качестве перспективы для анализа идеологических и социальных концепций с целью выявления связи последних с желаниями и потребностями обычных людей, руководствующихся в повседневной жизни принципами здравого смысла.

Материалы исследования | Research materials

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд-е 4-е, доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003.
2. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. <https://www.dwds.de/>
3. Oxford Learner's Dictionaries. <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

Источники | References

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1.
2. Аршинов В. И., Янукович М. Ф. Проблема наблюдателя и искусственные нейросети: на пути к трансдисциплинарной концепции наблюдения // Вопросы философии. 2025. № 12. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-12-72-89>
3. Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь / пер. с фр. И. И. Блауберг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
4. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
5. Вико Дж. Основания Новой науки / пер. с итал. М. – К.: REFL-book; ИСА, 1994.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем. М.: Прогресс, 1988.
7. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1.
8. Думов А. В. Понятие сложность в философских контекстах: семантическая и прагматическая специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 4. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-4-328-337>
9. Инновационная сложность. Парадигма сложности в перспективе философской стратегии Жюль Делеза. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники 2016. Т. 21. № 2.
10. Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 5.

11. Князева Е. Н. Обсуждаем статьи о сложности // Эпистемология и философия науки. 2008. № 4.
12. Кравченко А. И. Здравый смысл и Common sense: сходство и различие // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 5.
13. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. <https://djvu.online/file/gnEaibQxrdFqE>
14. Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг риторических наставлений / пер. с лат. А. С. Никольского. СПб., 1834. Ч. 1.
15. Морен Э. О сложности / пер. с англ. Я. И. Свирского. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2021.
16. Ополев П. В. Проблемы концептуализации сложности в науке и философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. <https://doi.org/10.17223/1998863X/48/2>
17. Пейн Т. Избранные произведения / пер. с англ. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
18. Платон. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2.
19. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ.; общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986.
20. Рид Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла / пер. с англ., предисл., прим. Ю. Е. Милютина СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетей, 2000.
21. Ролз Дж. Теория справедливости. Изд-е 2-е / пер. с англ.; науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
22. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 18 кн. М.: Мысль, 1994. Кн. XIV. Т. 27.
23. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Издательство «Наука», 1972.
24. Эйнштейн А. Собрание научных трудов: в 2 т. М.: Наука, 1966. Т. 2.
25. Юм Д. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2.
26. Яковлева Л. И. Метод здравого смысла и его социальная миссия // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2009. № 3.
27. Boulter S. The Rediscovery of Common Sense Philosophy. Palgrave Macmillan, 2007. <https://doi.org/10.1057/9780230223134>
28. Brachman R. J., Levesque H. J. Toward a New Science of Common Sense. 2022. <https://arxiv.org/pdf/2112.12754>
29. Choi Y. The Curious Case of Commonsense Intelligence // Dædalus, the Journal of the American Academy of Arts & Sciences. 2022. No. 151 (2).
30. Chong H. Y., Juanita M. C. Friend or Foe? Common Sense in Science Education from the Perspective of History and Philosophy of Science // British Journal of Education, Society & Behavioural Science. 2014. No. 4 (5).
31. Davis E., Marcus G. Commonsense Reasoning and Commonsense Knowledge in Artificial Intelligence. 2015. Vol. 58. Iss. 9. <https://doi.org/10.1145/2701413>
32. Dennett D. The Intentional Stance. Cambridge, MA: MIT Press, 1987.
33. Devitt M. Realism and Truth. Princeton: Princeton University Press, 1997
34. Gregorić P. Aristotle on the Common Sense. Oxford University Press, 2007.
35. Hasselberger W., Lott M. Where lies the grail? AI, common sense, and human practical intelligence // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2026. Vol. 25. <https://doi.org/10.1007/s11097-023-09942-x>
36. Kekes J. The Domain of Justification: Common Sense // Philosophical. 1975. Vol. 15 (1).
37. Ledwig M. Common Sense: Its History, Method, and Applicability. N. Y.: P. Lang, 2007.
38. Lemos N. Common Sense: A Contemporary Defense. Cambridge – N. Y. – Port Melbourne – Madrid – Cape Town: Cambridge University Press, 2004. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511498800>
39. Lewis C. S. Studies in Words. Second edition. Cambridge University Press, 1960.
40. Lorica B., Loukides M. What is Artificial Intelligence? // O'Reilly. 2016. <https://www.oreil.ly.com/radar/what-is-artificial-intelligence/>
41. McCarthy J. Programs with common sense. 1959. <https://www.cs.rit.edu/~rlaz/files/mccarthy1959.pdf>
42. Moore G. E. A Defence of Common Sense. 2004. <https://archive.org/details/moore-george-edward-philosophical-papers/page/n5/mode/2up>
43. Musgrave A. Common Sense, Science and Scepticism: a historical introduction to the theory of knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
44. Prodanović S. The Structure of Common Sense and Its Relation to Engagement and Social Change – A Pragmatist Account // Zeitschrift für Soziologie. 2022. No. 51 (3).
45. Quine W. V. Ontological Relativity. Ontological Relativity and Other Essays. N. Y.: Columbia University Press, 1969.
46. Reid T. Essays on Intellectual Powers of Man. Cambridge University Press, 2011.
47. Rescher N. Common-sense: a new look at an old philosophical tradition. Marquette University Press, 2005.
48. Rosenfeld S. Common Sense: A Political History. Harvard University Press, 2011. <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674061286>
49. Sankey H. Science, Common Sense and Reality // Journal of Philosophical Investigations. 2024. No. 18 (48).
50. Searle J. The Rediscovery of the Mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.
51. Shanahan M. The Technological Singularity. Cambridge, MA: The MIT Press, 2015. <https://doi.org/10.7551/mitpress/10058.001.0001>
52. Simon H. A. The Architecture of Complexity // Proceedings of the American Philosophical Society. 1962. Vol. 106. No. 6.

53. Vision G. Problems of vision: rethinking the causal theory of perception. Oxford University Press, 1996.

54. Weaver W. Science and complexity // American Scientist. 1947. No. 36.

Информация об авторах | Author information

RU

Чукин Сергей Георгиевич¹, д. филос. н., доц.

¹ Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» имени Д. Ф. Устинова, г. Санкт-Петербург

EN

Sergey Georgievich Chukin¹, Dr

¹ Baltic State Technical University “Voenmeh” named after D. F. Ustinov, St. Petersburg

¹ chukin_sergei@hotmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.09.2026; опубликовано online (published online): 28.09.2026.

Ключевые слова (keywords): проблема сложности; здравый смысл; понятие “communis sensus”; искусственный интеллект; problem of complexity; common sense; communis sensus; artificial intelligence.